

Аврелия — патрицианка Рима

Про книгу

Величественный Рим преклонялся перед той, которая своей красотой затмила бы даже богинь. Юная Аврелия — само ее имя сияло золотом. Высокородная патрицианка, племянница цезаря и наследница огромного состояния, она могла не знать ни горестей, ни бед, восхваляя Юпитера, живя в роскоши, упиваясь властью и наслаждаясь всеобщим обожанием. Но сквозь закат империи уже пробивались лучи новой веры — веры в единого Бога, за которую терпели нечеловеческие муки и шли на лютую казнь. Аврелия решается на немыслимое: помогать христианам, гонимым кровожадным императором Домицианом и его жрецами-язычниками. Не страшась ни гнева богов, ни смерти...

Э. КЭНТОН

АВРЕЛИЯ
патрицианка Рима

ЖЕНСКИЕ СУДЬБЫ

Э. КЭНТОН

АВРЕЛИЯ

патрицианка Рима

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2020 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2021

ISBN 978-617-12-8404-3 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Перевод с английского

Величней Рим схилявся перед тією, котра своєю красою затьмарила б навіть богинь. Юна Аврелія — саме її ім'я сяяло золотом. Високошляхетна патриціанка, племінниця цезаря і спадкоємиця величезного статку, вона могла не знати ні горя, ні біди, звеличуючи Юпітера, живучи у розкошах, упиваючись владою і насолоджуючись спільним обожнюванням. Але крізь захід імперії вже пробивалися промені нової віри — віри в єдиного Бога, за яку терпіли нелюдські муки і йшли на люту страту. Аврелія наважується на немислиме: допомагати християнам, гнаним кровожерним імператором Доміціаном і його жерцями-поганами.

Кэнтон Э.

К98 Аврелія — патрицианка Рима : роман / Э. Кэнтон ; сост. серии О. А. Дыдыкина. —

Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 320 с. — (Серия «Женские судьбы», ISBN 978-617-12-7950-6)

ISBN 978-617-12-8195-0

Величественный Рим преклонялся перед той, которая своей красотой затмила бы даже богинь. Юная Аврелия — само ее имя сияло золотом. Высокородная патрицианка, племянница цезаря и наследница огромного состояния, она могла не знать ни горестей, ни бед, восхваляя Юпитера, живя в роскоши, упиваясь властью и наслаждаясь всеобщим обожанием. Но сквозь закат империи уже пробивались лучи новой веры — веры в единого Бога, за которую терпели нечеловеческие муки и шли на лютую казнь. Аврелия решается на немыслимое: помогать христианам, гонимым кровожадным императором Домицианом и его жрецами-язычниками.

УДК 821.111

© DepositPhotos.com / nickp37, обложка, 2020

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2020

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2020

Глава 1. Рим в 91 году

В 844 году от своего основания, или в 91 году нашей эры, Рим находился под кровавой тиранией императора Тита Флавия Домициана, последнего из династии Флавиев, впоследствии преданного проклятию памяти. Римляне, некогда гордившиеся своей свободой, горько раскаивались, что отдали себя во власть правителей вроде сумасшедшего Калигулы, бездарного Клавдия Тиберия и бесчеловечного Нерона. В течение почти восьмидесяти лет после царствования Октавиана Августа не было таких унижений и оскорблений, каким не подвергались бы от своих кесарей гордые завоеватели мира. Смятение, ужас и страх за собственное существование стали для них обычным явлением.

Правда, с воцарением Веспасиана, а затем его старшего сына Тита наступила передышка в этих тяжелых испытаниях, но двенадцать лет сравнительного затишья и покоя пронесли с быстротой сновидений, а с приходом к власти Домициана, быстро отказавшегося от республиканского фасада, наступила пора новых бедствий, составляющая одну из наиболее мрачных страниц римской истории.

В описываемое время, соответствующее десятому году правления Домициана, Рим испытал на себе все ужасы неукротимой деспотии этого цезаря. Многочисленные и совершенно беспричинные ссылки и изгнания именитых граждан, явные и тайные убийства стали обычным явлением.

Правда, в 844 году Рим немного успокоился, но не оттого, что кровожадные инстинкты Домициана сделались более умеренными и не потому, что он таким путем пожелал добиться расположения граждан, — нет, он на несколько месяцев покинул Вечный город, чтобы лично завершить войну, которую давно и безуспешно вели его военачальники против дакийцев. Война с ними началась, как известно, еще в 85 году, и первые сражения закончились полным разгромом римлян. Однако если карающая длань Домициана не довлела над Римом, то это не означало, что положение улучшилось. Опасность была менее ощутимой, но все же, как меч, висела над головой каждого.

Император отсутствовал, но город кишел негодьями, которые подвизались перед тираном и готовы были осуществить все его злодеяния. Повсюду шныряли ловкие и дерзкие доносчики,

жаждавшие удовлетворить алчность и ненависть ненасытного властителя мира.

Пламенное усердие этих прислужников деспотичного цезаря поддерживалось не только их раболепием перед повелителем, но и корыстными целями. С жестокостью и неутомимостью ищущих они вынюхивали все, на чем можно было построить тягчайшие обвинения даже ни в чем не повинных граждан. Проницательность этих сыщиков была так велика, что казалось, будто они способны проникать в самую совесть и сердце людей. И все это делалось единственно для того, чтобы вытравить из сознания людей мысли о свободе и, как говорил Тацит, подчинить своей власти даже *вздохи и слезы*.

Глава 2. День доносчика

Канун июльских ид¹ 844 года... Тонкая полоска тени на солнечных часах Форума показывала полдень, когда какой-то человек, выйдя из базилики Юлия, остановился перед ее перистилем, заполненным шумной толпой. Причиной наплыва народа к месту заседания ста уважаемых мужей Рима послужило то обстоятельство, что в базилике Юлия вот уже нескольких дней разбиралось громкое дело, вызывавшее горячие толки и споры. Двое знаменитых юристов и ораторов соперничали друг с другом в убедительности и красноречии.

Внешность и манеры человека, который только что покинул зал заседаний и на некоторое время задержался в толпе, показывали, что он принимал самое непосредственное участие в процессе. На нем была яркая пурпурная тога, свидетельствующая о том, что он желал оставаться в центре всеобщего внимания, чтобы в итоге одержать победу, склонив судей на свою сторону. Однако по тому негодованию и даже угрозам, с которыми его встретила толпа, можно было догадаться, что симпатии народа не на его стороне. Враждебность окружающих, конечно, его беспокоила, и он уже приготовился выбраться из тесного кольца, когда совсем рядом послышались сначала чьи-то тяжелые вздохи, а затем — стенания и проклятия.

Они исходили из уст пожилого мужчины, внешний вид которого говорил о его крайнем отчаянии. Несчастный старик, как и человек в пурпурной тоге, присутствовал на заседании, но, выйдя оттуда, стал рвать на себе одежду и выдирать пучки своих седых, посыпанных пеплом волос. Это лучше всяких слов показывало, что приговор вынесен не в его пользу, причем он коснулся чего-то дорогого, даже священного для старика.

Его сопровождал адвокат, довольно молодой мужчина, по чертам лица которого читалось благородство его натуры. Напрасно он пытался найти слова утешения для своего убитого горем клиента: тот продолжал громко роптать на несправедливость людей и суровость богов.

Человек в пурпурной тоге сделал попытку ускользнуть от плачущего старика, но, не сумев пробраться сквозь густую толпу, изменил

намерения. С восторженным видом он подошел к старику и, схватив за руку сопровождавшего его адвоката, воскликнул:

— Дорогой Плиний! Позволь мне поздравить тебя, несмотря на твое поражение. Твоя речь была лучшей из всех, слышанных мною за всю мою жизнь. Клянусь Аполлоном, ты превзошел Цицерона! Неудивительно, однако, что дело тобой проиграно: я получил благоприятные предзнаменования.

Плиний Младший, «превзошедший Цицерона» разве только тем, что проиграл процесс, поспешно отдернул руку и, смерив противника презрительным взглядом, отвернулся.

— Несчастный Цецилий! — продолжал между тем торжествующий победитель, обращаясь к старику и придавая своему лицу выражение живого сочувствия. — Отчего ты не согласился на сделку, которую я тебе предлагал? Ты бы...

Но он не сумел договорить. Крючковатые пальцы железной хваткой сдавили ему горло с такой силой, какую нельзя было предположить в худощавом теле слабого, убитого горем старца. Еще мгновение — и, потеряв равновесие, человек в пурпурной тоге покатился со ступеньки на ступеньку к пьедесталу одной из двенадцати статуй великих богов, украшавших перистиль базилики Юлия.

Восхищенная толпа одобрила действия старика громом рукоплесканий и радостными выкриками, одновременно осыпая его противника руганью и насмешками, а Плиний, огорченный неудачей настолько, что не в силах был даже позлорадствовать, поспешил скрыться.

Гражданин, которого столкнули со ступенек базилики Юлия, поднялся с проворством человека, сделавшего легкий прыжок. Стараясь казаться бодрым и сохранять спокойствие, он, однако же, не мог скрыть злости, которой пылало его лицо.

— Клянусь всеми богами ада и всеми фуриями, что я отомщу тебе, проклятый старик! — воскликнул, едва держась на ногах, пострадавший, после чего развернулся и неспешно направился к зданию, которое примыкало к Храму Сатурна, расположенному здесь же, на Форуме. В этом здании находился так называемый Эрарий: государственная казна и архив — хранилище актов и протоколов гражданского ведомства.

Войдя в присутственное место, незнакомец потребовал свидетельство о рождении девицы Цецилии и, обращаясь к клерку, который быстро извлек документ и развернул его перед его глазами нетерпеливого посетителя, сказал:

— Дополни его припиской, что на основании сегодняшнего постановления суда девица Цецилия, родившаяся в законном браке от гражданина Рима Цецилия Басса и ныне покойной Теренции Пакувии, признана собственностью торговца Парменона. Вот доказательство. — С этими словами он вложил в руку сcribe, или писца листок папируса, который вытребовал в суде сразу по окончании заседания.

Выйдя из архива, человек в пурпурной тоге не пошел домой, а свернул во внутреннюю галерею. Она вскоре привела его в другие ведомства — видимо, более важные, чем то, о котором мы только что упомянули; там царила кипучая деятельность.

Он отправился в казнохранилища республики и кесаря, занимавшие ряд зданий в ограде Храма Сатурна. Если принять во внимание, что Веспасиан по восшествии на трон исчислял государственные расходы в рекордные два миллиарда пятьсот тридцать миллионов сестерциев, то нетрудно вообразить, какое зрелище представляли собой те места, куда стекалось золото и серебро со всей вселенной.

Было бы интересно своими глазами увидеть всю эту толчею, хотя бы для того, чтобы всмотреться в лица людей, которые непрерывно следовали друг за другом для уплаты податей, и убедиться в том, что налоговое бремя существовало чуть ли не от сотворения мира. Неплохо бы обрисовать наружность служащих древнего банка, получавших деньги от клиентов и производивших в связи с этим нужные манипуляции. Ничто не ново под луной: как в Древнем Риме, так и в наши дни печаль уплаты, т.е. потери, и радость получки резко контрастируют между собой.

Увы, у нас нет времени на детальные описания. Мы следим за человеком в пурпурной тоге, которого не должны покидать из виду ни на одну минуту.

Он идет весьма быстро и, хотя его ухо с удовольствием прислушивается к звуку драгоценного металла, а взор загорается огнем алчности, он не удостоивает вниманием весовщиков, или официальных контролеров денежных единиц той далекой эпохи. Не без волнения мы сопровождаем его до того гражданина, которого он

быстро различил в толпе, отвел в сторону и, не мешкая, обратился к нему с вопросом:

— Ну, уважаемый Палфурий Сура, какая сумма предназначается нашему всемогущему и милостивому повелителю Домициану со времени его отъезда из Рима? Ты сделал расчет, о котором я тебя просил?

— Конечно. Пятнадцать миллионов сестерциев — вот сколько принесли императору завещания патрициев за шесть последних месяцев. Куча денег!

— Ты, наверное, издеваешься, Палфурий? И тебе не стыдно говорить о такой жалкой сумме, да еще с восторгом? Божественный император Домициан вознегодует на тебя за твою нерадивость.

— Но позволь, — живо возразил Палфурий, — смертность в Риме в последнее время снизилась, соответственно и количество завещаний, вступивших в силу, немного уменьшилось. Армилат, с которым я недавно беседовал по этому делу, объясняет уменьшение сборов чересчур благоприятными погодными условиями. Тем не менее, — прибавил он, указывая на яркое полуденное солнце, — светило обещает нам вскоре палящий зной, а старики плохо переносят жару. Фортуна на нашей стороне, и она поможет нам доказать, что наше усердие к императору ничуть не ослабело.

— Твой Армилат остолоп! — в сердцах воскликнул незнакомец с тем пренебрежением, которое явно демонстрировало, что он относится к Палфурию без всякого уважения и не стесняется прибегать в его присутствии к резким выражениям. — Я тебе повторяю: эта сумма недостаточна, а оправдаться хорошей погодой и отсутствием болезней не удастся. Учтите вместе с Армилатом, что император Август в свое время получил в дар от друзей четыре миллиарда сестерциев, а сестерций тогда имел гораздо большую ценность, чем теперь. Значит, вы не добьетесь и четверти этой суммы, если жалкие пятнадцать миллионов сестерциев, собранные за шесть месяцев, кажутся вам значительными. Или вы полагаете, что император Домициан заслуживает меньшего почитания, чем Август?

Последняя фраза была произнесена так внушительно и грозно, что Палфурий опустил глаза и больше не издал ни звука в свое оправдание.

— Ты собрал сведения о Флавии Клементе и его жене Флавии Домицилле? — продолжал выпрашивать незнакомец. — Известно ли тебе, что распространился слух, будто они исповедуют новую религию и связаны с сектой евреев из квартала возле Капенских ворот? Консул Тит Флавий Клемент страшно богат; если бы он на самом деле оказался христианином, это послужило бы довольно простым способом восполнить тот недочет, который за тобой числится.

Несчастный Палфурий, казалось, был потрясен этим известием; он даже изменился в лице и, немного помолчав, пробормотал:

— Флавий Клемент — двоюродный брат императора, а Флавия Домицилла — родная племянница цезаря. Двое из их сыновей получили от нашего августейшего повелителя имени Веспасиан и Домициан, потому что цезарь готовит их в свои преемники. Как же ты представляешь себе, чтобы пострадали люди, которые находятся в таком близком родстве с императором и которых он осыпает милостями? Берегись: это дело весьма опасно, и ты, похоже, недостаточно его обдумал.

— Как это понимать? — повысил голос незнакомец, делая акцент на каждом слове. — Ты и Армилат отказываетесь от возложенных на вас обязанностей? А не вам ли, как консулам, удобнее всего начать это дело, имея возможность легко проникнуть в тайну, которая давно беспокоит императора? Что, если нас опередят другие? Право же, дорогой Палфурий, ты не дорожишь своими интересами! — И, не прибавив больше ни одного слова к этому прозвучавшему угрозой замечанию и не дождавшись ответа, незнакомец в пурпурной тоге отвернулся от Палфурия Суры, сильно встревоженного этим разговором, и вскоре слился с толпой, наводнившей площадь перед зданиями казнохранилища.

Через несколько минут он очутился на Форуме. Обширная площадь, обычно столь оживленная, теперь почти совершенно опустела. Жара была нестерпимая. Солнце стояло в зените и пронизывало воздух палящими лучами. Все горожане разошлись по домам, чтобы предаться полуденному покою.

Но человек в пурпурной тоге, казалось, не чувствовал утомления, и ничто не могло его остановить. Его воодушевляла и поддерживала жажда кипучей деятельности, поэтому, не обращая внимания на полуденный зной, он быстро пересек Форум, свернул в конце площади

к Ратуменновым воротам и, пройдя через них, направился по широкой улице к цирку Фламиния. Справа показалось одно из самых древних архитектурных сооружений города, возведенное, наверное, еще лет четыреста назад, — Villa Publica, или Народный дом, куда римляне допускали даже посланцев «варваров», то есть племен, не входивших в число их союзников. Этот обычай не касался представителей дружественных народов, считавшихся цивилизованными, — их римляне с подобающей пышностью принимали не в общественном Villa Publica, а в помпезном Грекостазисе — фешенебельном квартале в центре Форума.

Народный дом был окружен многочисленными портиками, проходами и галереями. В устроенных между ними тавернах и харчевнях теснился всякий торговый люд, в том числе продавцы рабов и лошадей.

Незнакомец настойчиво постучал в деревянную дверь одной из таверн, наглухо закрытую по причине жары и полного отсутствия посетителей. Появился человек высокого роста, одетый в тогу невероятно пестрой и яркой расцветки наподобие балахонов ярмарочных фокусников и фигляров. При беглом взгляде на свирепое лицо этого субъекта и его грубые манеры можно было заподозрить в нем заправского злодея, не привыкшего уважать законы.

Стоя на пороге, неприятный тип, плохо соображавший со сна и раздосадованный тем, что его послеобеденный отдых так грубо прервали, протер глаза и сладко зевнул, но тут же закрыл рот, встрепенулся и встал по струнке, когда увидел, кто к нему пришел.

— Не пугайся, Парменон, это я, — первым заговорил человек в тоге, окидывая собеседника высокомерным взглядом. — Цецилия в наших руках. Суд уже принял решение в твою пользу, так что можешь повесить ей на шею табличку о продаже.

— Все будет исполнено по твоему приказанию, господин.

— Вот и отлично. Только мне нужно, даже необходимо, чтобы Цецилию продали завтра же. Кроме того, ты должен подтвердить, что она лишается не только свободы, но и права со временем стать вольноотпущенной. У меня есть веские причины для того, чтобы эта статья договора была выполнена в точности. Ах да, совсем забыл!

Цена определена в сто тысяч сестерциев без одного стипса². Ты помнишь наш уговор? Две трети — мне.

— Не беспокойся, господин: все, о чем условились, выполню в точности, — поспешил заверить Парменон, которого слова вельможи в пурпурной тоге, похоже, навели на какие-то неприятные воспоминания.

Этого обещания оказалось достаточно, чтобы важный господин, спешно покинув плебейский квартал, двинулся обратно к Ратуменновым воротам. Он пересек Форум, миновал храм Виктории, взошел на Палатин и направился к роскошному особняку, когда-то выстроенному по приказу народного трибуна Марка Ливия Друза. Впоследствии дом принадлежал сначала Крассу, а потом Цицерону. Поговаривали, будто архитектор предложил Друзу выстроить жилище таким образом, чтобы за его стены не проникал ни один любопытный взгляд, но Марк Ливий ответил:

— Я, наоборот, хотел бы для себя жилище из стекла, чтобы каждый видел все, что там происходит.

Теперь человек в пурпурной тоге, имени которого мы еще не знаем, имел возможность проверить, учел ли зодчий пожелания хозяина дома.

Окинув (в качестве меры предосторожности) взором пространство справа и слева, впереди и позади себя и найдя обстановку благоприятной, незнакомец в полной тишине быстро пересек круглую площадку перед домом, приблизился к парадной двери, робко позвонил и обратился к рабу-привратнику, отворившему ее:

— Привет Палестриону, будущему либерту божественной Аврелии!

— Увы, господин, — ответил тот, кланяясь в пояс, — да услышит тебя Юпитер! Уже не в первый раз ты произносишь эти слова надежды, но я как-то не замечаю, чтобы мои цепи ослабевали и их звенья разбивались.

Словно в доказательство несчастный указал посетителю на свои ноги, скованные двойным железным обручем, прикрепленным к длинной цепи, концы которой были вмурованы в стену.

— Напрасно ты мне не веришь, Палестрион, — возразил незнакомец, — каждый раз, как ты меня видишь, я разбиваю одно из звеньев, которые ты мне показываешь. Я даю тебе золото — средство купить себе свободу. Я пока еще не забыл, что обязан принять участие в судьбе несчастного Палестриона. Вот возьми-ка, они твои... — шепнул он на ухо рабу и положил на его ладонь две золотые монеты,

которые тот с удивительным проворством спрятал в складках своей туники.

— Но, господин, — робко заметил привратник, — у тебя есть причины позаботиться обо мне, бедняге, о котором больше никто не думает в целом свете. Признаться, мне не по себе: в доме божественной Аврелии, после того как ты приходил сюда в последний раз, произошло нечто ужасное.

— Вот как? Что же именно?

— Вообще-то госпожа Аврелия не жестока к рабам и крайне редко нас наказывает. Она хорошо относилась к Дориде, одной из своих прислужниц... Но разве ты знал ее, господин? — удивленно спросил Палестрион, прерывая свою речь, ибо он заметил, что при этом имени его собеседник непроизвольно вздрогнул.

— Почему ты интересуешься? — вопросом на вопрос ответил господин в пурпурной тоге, поспешно стирая с лица изумление, насторожившее раба. — Продолжай...

— Так вот, эту Дориду, которая одевала и причесывала божественную Аврелию, по приказу госпожи раздели донага, подвесили за волосы посреди атриума и в присутствии всех домочадцев и рабов стали сечь розгами с такой жестокостью, что бедняжка в жутких мучениях испустила дух прямо на наших глазах.

— За что же ее подвергли истязанию? — пожал плечами незнакомец с таким деланным безучастием, что подозрения Палестриона рассеялись.

— О, госпожа Аврелия сильно огорчилась смертью рабыни — заменить ее пока нечем. По слухам, наша повелительница даже плакала, но сегодня утром нам объявили, что божественная Аврелия поступит точно так же с каждым, кто, как Дорида, выболтает домашние тайны Марку Регулу. Что с тобой, господин?

Немало усилий потребовалось человеку в тоге, чтобы не выдать своего потрясения. Однако он взял себя в руки и сдержанно произнес:

— Со мной все в порядке. Мне жаль Дориду, поэтому я и вздыхаю. А этот Марк Регул, наверное, ужасный тип?

— Не то слово: говорят, он — величайший злодей, какой только есть в Риме, и я подумал, что участь Дориды постигла бы и меня, если бы... по несчастью... тот, кто приходит расспрашивать меня, оказался...

— Ты намекаешь на меня? Спасибо, Палестрион, за сравнение, которого ты меня удостоил. Но благодаря богам мои вопросы не заключают в себе ничего такого, что может повредить тебе и заставить тебя бояться наказания.

— Это правда, господин. Ты, надеюсь, простишь бедному рабу, который дрожит от страха и не хочет тебя обидеть. Так ты не Марк Регул, нет? Впрочем, я не уверен, смогу ли ответить на твои вопросы.

— Да ты что, Палестрион! Откуда такая мнительность? Мои вопросы совершенно безвредны, ведь я с благоговением отношусь к твоей божественной госпоже. А скажи-ка мне, Корнелия, Vestalis Maxima³, чувствует себя лучше? Она в состоянии вновь возложить на себя свои обязанности?

— Нет, господин, она хворает. Божественная Аврелия, несмотря на все свои заботы, не смогла добиться того, чтобы Корнелия забыла позорное наказание, которому ее подверг главный жрец Гельвеций Агриппа, и мысль об этом унижении, говорят, замедляет ее выздоровление.

— А твоя божественная госпожа принимает у себя в доме Метелла Целера?

Этот вопрос, заданный прямо в лоб, показался Палестриону опасным, и он промолчал. На его лицо легла тень подозрительности, которую незнакомец сразу заметил и поспешил развеять, равнодушно прибавив:

— Я вовсе не то хотел спросить. Меня интересует не Метелл Целер, а Флавий Клемент и обе Флавии Домициллы. Мне сказали, что твоя госпожа перестала видаться с ними. Неужели? Ведь они близкие родственницы...

— На то есть причины.

— Важные?

— Болтают, что Флавий Клемент и обе Флавии... ну... как бы это выразиться? В общем, они заодно с евреями у Капенских ворот.

— То есть они христиане?

— Вот-вот. Они, вроде бы, желали, чтобы и госпожа Аврелия, племянница Флавия Клемента, стала христианкой, но она отказалась и добавила, что вынуждена прекратить поддерживать с ними отношения.

В этот момент в атриуме раздался испанский напев, занесенный в Рим благодаря поэту Марциалу. Чей-то молодой и чистый голос распевал незатейливый мотивчик. При этих звуках незнакомец забеспокоился и заторопился уходить.

— Прощай, — кивнул он Палестриону. — Если богам будет угодно, еще свидимся.

Но он не успел скрыться: молодой человек, внезапно вышедший из дома Аврелии, заметил в пятнадцати шагах от себя неизвестного субъекта. К тому же незнакомец в пурпурной тоге сам обернулся, чтобы хоть бегло рассмотреть гостя Аврелии, прервавшего его разговор с рабом.

— Клянусь Геркулесом! — воскликнул юноша. — Это же мерзавец Регул собственной персоной! Зачем он притащился в наш квартал? Слушай-ка, Палестрион, а ты, часом, не знаешься с Регулом? — нахмурил брови молодой человек, оборачиваясь к привратнику, который побледнел как полотно и затрясся всем телом.

— Нет, господин, — еле пролепетал несчастный, — я от роду не видел никакого Регула, и я отлично знаю, что наша божественная госпожа...

— Ах ты, прохвост! — перебил раба юноша. — Смотри у меня, бездельник! Если моя догадка подтвердится, тебе исполосуют всю шкуру, как паршивой овце. И учти: я непременно уведомя госпожу Аврелию, что возле ее дома крутится какой-то подозрительный тип.

С этими словами он пошел в дом, а Марк Регул, недовольный тем, что его узнали, ускоряя шаги, пробормотал:

— Вот это да! Это же Метелл Целер! Я узнал его по голосу. Он находился в доме Аврелии все время, пока я беседовал с Палестрионом. Значит, Метелл посещает весталку даже во время полуденного отдыха. Отлично! Скоро об этом узнают и жрец Гельвеций Агриппа и цезарь Домициан. Ты у нас в руках, Корнелия! К девственнице регулярно захаживает молодой красивый мужчина. Очень интересно, чем они там занимаются.

Примерно через час Марк Регул вернулся к себе домой за Тибр и несколько раз с удовольствием повторил вслух изречение Тита Флавия, ставшее крылатым: «День прошел не даром, если сделано хоть одно дело». «А я, — рассуждал Регул, — сделал целых четыре дела: добился рабства для Цецилии, припугнул нерадивого Палфурия

Суру, убедил Палестриона шпионить за своей госпожой и добыл важные сведения о Корнелии. Недурно!»

Что касается Палестриона, никто не видел, как он говорил с Регулом, и раб утешился тем, что его не засекут розгами до смерти, как несчастную Дориду. Но страх сковал все его существо, и несчастный пробормотал сквозь зубы:

— Так это ты, Марк Регул! Ну, проклятый доносчик, впредь не попадайся мне на глаза! Ты обещал наведаться снова? Только попробуй показаться!

Глава 3. Воспитанница и опекун

На другой день, после того как Марк Регул попался на глаза Метеллу Целеру возле дома Аврелии, уже с утра щедро светило солнце, пронизывая Вечный город жгучими лучами. Аврелия, рано проснувшаяся в своей кубикуле⁴, решила, пока нежарко, прогуляться по городу и стряхнуть с себя скуку и огорчения. Позвонив в колокольчик и вызвав двух рабынь, она повелительно произнесла:

— Я отправляюсь к портику Помпея. Сейчас же уведоьте об этом Вибия Криспа и позовите его сюда.

Матрона выезжала нечасто и не иначе, как в окружении соответствующей ее положению свиты, а статус ее был таким высоким, что свита обычно заполняла всю улицу. Едва госпожа отдала приказ, как все пятьсот рабов знатной патрицианки разом засуетились, и жилище Цицерона, когда-то бывшее местом спокойствия и уединения мыслителя, враз огласилось шумом многочисленных приготовлений.

В ожидании, пока наступит момент выхода, скажем несколько слов об Аврелии, которую Марк Регул называл божественной, хотя такой титул кажется неуместным в отношении простой смертной. Может быть, тогда станет понятно, почему весталка Корнелия, как догадался Регул, находилась в доме Аврелии, вместо того чтобы жить в императорском атриуме — обычном убежище служительниц Весты.

Аврелия Флавия Домицилла — она носила три имени, общие почти для всех представителей рода Флавиев, — приходилась внучатой племянницей и в то же время правнучкой императору Веспасиану. Она родилась от брака консула Тита Флавия Сабина, племянника Веспасиана, с Юлией, единственной дочерью Тита, сына Веспасиана. Кроме того, Аврелия Флавия Домицилла была племянницей Флавия Клемента, родного брата ее отца Флавия Сабина.

Таким образом, по отцу Аврелия была двоюродной племянницей, а по матери внучатой племянницей Домициана. Понятно поэтому, что в царствование Домициана, который, по свидетельству Светония, требовал, чтобы его и устно и письменно называли не иначе, как повелителем и богом (*dominus et deus noster*), никто не осмелился бы, говоря о родственниках императора, называть их иначе, как

божественными. Если добавить, что Аврелии Флавии Домицилле в будущем предстояло стать императрицей, то легко понять, почему каждый гражданин Рима воздавал дань ее несравненному величию — как в ее присутствии, так и при упоминании о ней; каждый обязан был относиться к ней с благоговением и почтительной преданностью.

Столь высокое положение закреплялось недавним указом императора Домициана, у которого кроме сына, умершего несколько месяцев назад, не было детей в браке с Домицией Лонгиной. Накануне отъезда из Рима он назначил своими преемниками сыновей Флавия Клемента и Флавии Домициллы. Их имена он переименовал, назвав юношей Веспасианом и Домицианом, — без сомнения, не только для того, чтобы подчеркнуть, кто именно своим вступлением на императорский престол прославил род Флавиев, некогда безвестный и ничтожный, но и для того, чтобы сохранить в истории память о своем величии.

Эти двоих юношей, которых воспитывали, как цезарей, император доверил знаменитому ритору и педагогу Квинтилиану для довершения их образования. Старший, Веспасиан, должен был жениться на своей юной двоюродной сестре Аврелии и вместе с ней воссесть после смерти Домициана на престол императора всей вселенной.

В описываемое нами время Аврелии Флавии Домицилле минуло пятнадцать лет, и она считалась самой знатной патрицианкой Рима. Она рано лишилась родителей, но унаследовала громадное состояние, которое возносило ее даже над богатейшими патрициями — покорителями мира. Кроме роскошного дома в Риме, пятисот рабов, множества великолепных вилл, расположенных в живописных уголках Италии, божественная Аврелия владела двумя миллиардами семьястами миллионами сестерциев. Ее драгоценности оценивались в сорок миллионов сестерциев. Один перл из ее сокровищницы стоил, по свидетельству Плиния, шесть миллионов сестерциев — речь идет об уникальном алмазе, некогда подаренном Юлием Цезарем Сервилиии, матери впоследствии убившего его Брута. Потом бесподобный камень блистал на пальце Береники, дочери царя Ирода Агриппы, однако, отвергнутая своим любовником, будущим императором Титом, она не захотела больше носить это кольцо и, покидая Рим, подарила его дочери того, кого так страстно обожала, а Юлия Флавия, умирая, передала его своей кроткой Аврелии.

Детство безрадостно, если мать и отец не окружают ребенка своей родительской любовью и заботой. Юная Аврелия испытала это на себе. Домициан, стремясь принять участие в ее судьбе, решил сделать из нее весталку, но это намерение встретило непреодолимое препятствие — обычай страны, который он не мог нарушить, несмотря на свое могущество. Дело в том, что маленькая Аврелия отвечала лишь двум обязательным для жрицы-весталки условиям: детский возраст и патрицианское происхождение, — а в отношении третьего возникли затруднения. Избрание дочери весталкой считалось для ее родителей и всей семьи суровым испытанием, почти страданием, бремя которого они должны были терпеливо нести, а для этого требовалось, чтобы и мать и отец девочки, назначенной к алтарю божественной покровительницы Рима, были живы. Это условие являлось настолько существенным, что верховные жрецы ни за что не допустили бы к служению Весте сироту, будь она даже родственницей самого цезаря, — так свято почитался древний обычай.

Хотя смерть родителей освободила Аврелию от суровых обетов, ее детство прошло в святилище Весты. Там она проводила все время и познакомилась с молодой жрицей Корнелией, принадлежавшей к знатнейшей римской фамилии Корнелиев, которая дала республике прославленные ветви Сципионов, Руфинов, Лентулов и других, и настолько привязалась к этой патрицианке, что та практически заменила ей мать.

В то время, когда Корнелия взяла на попечение внучку императора Тита, весталке было около двадцати шести лет. Служительницами Весты девочки становились примерно в шестилетнем возрасте (иногда чуть постарше) и в продолжение тридцати лет исполняли свои обеты, причем круг их обязанностей год от года расширялся. В первые десять лет они постигали религиозные обряды и обычаи, в следующие десять — исполняли эти обряды, а на протяжении последних десяти — обучали преемниц. Та из весталок, которая с честью выдерживала все испытания, назначалась старшей и именовалась *Vestalis Maxima*: ей, в отличие от ее подруг, воздавались особые почести. Зато на нее ложилось тяжкое бремя ответственности не только за себя, но и за всех остальных: все ошибки в обрядах, допущенные другими весталками, вменялись ей в вину, и нередко она в одиночку переносила самые суровые наказания.

В таком положении оказалась и Корнелия. Возведенная в достоинство Vestalis Maxima, она на себе ощутила все горести, связанные с этим высоким званием. Ей, знатной женщине, пришлось вытерпеть наказание, которому в Риме подвергались лишь рабы.

Как только вследствие небрежности одной из жриц священный огонь потух, Гельвций Агриппа, назначенный Домицианом главным жрецом, то есть духовным императором Рима, признал Корнелию ответственной за эту оплошность, считавшуюся дурным предзнаменованием, и приказал, чтобы гордую патрицианку наравне с последней рабыней подвергли бичеванию. Стыд, вынести который оказалось гораздо труднее, чем физическую боль, так изнурил Корнелию, что она захворала, и ей по обычаю предписали покинуть императорский атриум. В поисках крова она обратилась к своей дорогой Аврелии, которой уже исполнилось двенадцать лет; ей больше не разрешалось жить в храме Весты, и она поселилась у своих родных.

Невысокий старичок, раздвинув занавес кубикеры, вошел к девушке с ласковой улыбкой и выражением глубочайшего почтения на лице. Он носил белоснежную тогу с пурпурной каймой — знаки сенаторского звания. Это был Вибий Крисп — опекун божественной Аврелии, явившийся на ее зов.

Этот человек оставил о себе некоторую память в истории. Ювенал в одной из своих сатир хвалил его бодрю старость и неистощимое остроумие. Но одна опрометчивая шутка чуть было не стоила Вибию Криспу жизни. Надо полагать, для упражнения руки Домициан иногда забавлялся тем, что ловко накалывал мух на острие своего кинжала. Хотя царствование Нерона, кажется, должно было научить Вибия помалкивать, на вопрос одного вельможи, у себя ли цезарь и один ли он, Крисп, не задумываясь, ответил: «Да, конечно, с ним нет даже мух». Императору немедленно донесли о такой дерзости, и все считали бедного Вибия уже погибшим, однако хитрый старик сумел искусно загладить свою вину и спокойно прожил при дворе Домициана почти пятнадцать лет. Его положение в качестве опекуна божественной Аврелии достаточно ясно указывало на высокую степень благосклонности к нему императора.

Поприветствовав девушку, Вибий вкрадчиво спросил:

— Чем я могу быть полезен своей августейшей воспитаннице?

— Прошу тебя сопровождать меня на прогулке у портика Помпея.

— О! — воскликнул Крисп, от которого не ускользнула грусть, написанная на лице Аврелии. — Что-нибудь случилось? Клянусь Юпитером, у тебя слезы на глазах, моя дорогая. Что с тобой? Скажи мне, умоляю тебя. Может, твоему недостойному опекуну удастся вернуть улыбку на твое очаровательное личико.

— Да, Вибий, мне невесело, а точнее, я места себе не нахожу. Состояние моей бедной Корнелии не улучшается, а тут еще другая неприятность...

— Какая?

— Я очень виновата. Вот почитай.

Взяв со стола из лимонного дерева свиток папируса, она подала его Вибию. Это было письмо, присланное Аврелии ее двоюродной сестрой, которая, как и жена Клементы, звалась Флавией Домициллой. Оно начиналось такими словами:

*«От Флавии Домициллы — Аврелии Домицилле.
Дорогая сестра!*

Мы только что узнали, что ты лишила жизни свою рабыню Дориду. Без сомнения, по римским законам ты имела на это право, но ты знаешь, что немногие из граждан им пользуются, хотя они не слишком добросердечны. Грустно, что молодая красивая девушка твоего возраста рискует попасть в разряд жестоких людей. Твой дядя Клемент и твоя тетя, Флавия Домицилла, очень расстроены тем, что невеста их сына виновна в таком превышении власти. Преступно посягать на жизнь себе подобных, ибо наши рабы, несмотря на то, что они обязаны нам повиноваться и нас почитать, суть наши же братья и сестры, как чада единого Бога. Видишь, дорогая, насколько наша религия величественнее и прекраснее той, которая позволяет господам обращаться с несчастными людьми, как с животными. Мы молим Бога, чтобы Он тебя просветил и простил».

Дочитав до конца, Вибий расхохотался. Этот зловредный старик — типичный представитель римской знати, равнодушной к состраданиям ближних, — нашел в письме лишь предмет для насмешки. Тем не менее, чтобы в его реакции не усмотрели недостаток уважения по

отношению к августейшей воспитаннице, он извинился перед ней и спросил:

— Неужели эти нелепые упреки и наивные советы беспокоят и огорчают тебя, божественная Аврелия?

— Да, дорогой опекун, это письмо вывело меня из душевного равновесия, так как я не могу не согласиться с доводами Флавии.

— Так ты считаешь, что господин не может воспользоваться своим законным правом?

— Нет, Вибий, но наказание было слишком жестокое. Правда, я не приказывала убивать Дориду, и то, что она умерла, — несчастный случай. Но все-таки в итоге эту вину взвалят на меня. Что подумает обо мне мой двоюродный брат Веспасиан?

— Ах, моя дорогая и божественная воспитанница! — всплеснул руками Вибий, устремляя на раздумывавшуюся от волнения девушку угодливый взор. — Так ты боишься прослыть жестокой в глазах своего жениха? Все понятно. Вот для чего предпринимается эта прогулка к портику Помпея. Там ведь действительно можно встретить милого юношу, который дышит свежим воздухом в компании своего наставника.

— Хватит ерничать, Вибий, ты слишком злой! Да, я хочу увидеться с двоюродным братом, но только для того, чтобы объяснить ему... чтобы он простил меня...

— А зачем тебе его прощение? Вот послушай. Я дружу с Фаннией и присутствовал однажды при ее утреннем одевании. Рабыни прислуживали ей в одних набедренных повязках, и за малейшую провинность их стегали хлыстом по голым грудям и спинам. По-твоему, Фанния оплакивала бы смерть одной из невольниц, которая ее причесывала?

— Не знаю, — ушла от ответа Аврелия и погрузилась в свои размышления.

— Огульния за пропавшую махровую простыню приказала пытаться свою банщицу медными палками, докрасна раскаленными на огне, — продолжал Вибий. — Сабина, изящная молодая девушка с нежным личиком, умеряет болтовню своих служанок тем, что вонзает им в руки длинные острые шпильки, которыми ей укрепляют прическу. Однако никому и в голову не приходит мысль, что эти матроны безжалостны. В Риме, дорогая воспитанница, двести тысяч граждан

и два миллиона рабов. Интересно, какое средство предлагает твоя двоюродная сестра Флавия Домицилла, чтобы удержать всю эту массу в повиновении, не прибегая к жестокости?

Как ни старался Вибий Крисп убедить Аврелию ссылками на многочисленные примеры, он не добился от нее ни слова. Было видно, что ее доброе сердце испытывает угрызения совести и что речи опекуна, лишённые сострадания к рабам, вызывают у нее досаду. Хитрый сановник все понял и повел разговор иначе.

— Я знаю человека, который дорого даст за это письмо, — понизил он голос.

— Да? И кто он? — встрепенулась Аврелия, стряхивая с себя задумчивость.

— Марк Регул.

— Марк Регул?! Странно, а зачем ему мое письмо?

— Он найдет в нем доказательство, которое повсюду разыскивает.

— Какое? Выражайся яснее.

— То, что Флавий Клемент, его жена и твоя двоюродная сестра — христиане.

— Чего же он тогда добьется?

— Это не совсем ясно. Но во времена Нерона мне не раз доводилось видеть пылавших, как факелы, христиан, которых цепями приковывали к столбам, обмазывали смолой и поджигали, чтобы они освещали дорожки прогуливающимся гостям. Не исключено, что император Домициан тоже желает насладиться подобным зрелищем.

Божественная Аврелия внезапно разрыдалась и припала к плечу Криспа.

— Вибий, зачем ты терзаешь меня? — всхлипывала она. — Конечно, Дорида совершила подлость, и я сочла, что эта дерзкая рабыня заслуживает сурового наказания. Мне не в чем себя упрекнуть.

Опекун окончательно растерялся. Он вообще толком не понимал, как и на что ему реагировать.

— Дорогая воспитанница, — ласково произнес он, поглаживая ее по голове. — Твое доверие делает мне честь и трогает меня, старика, до глубины души. Но почему ты плачешь?

— Вибий, я тебе не все объяснила. Дорида написала Регулу. Записку ее перехватили. Корнелия и Метелл так возмутились, что велели ее наказать, а я не вступилась...

— Что было в записке?

— Дорида сообщала Регулу, что Корнелию ежедневно навещает Целер.

— Это важно для твоей подруги, дорогая воспитанница; я начинаю ее понимать... Что еще?

— Мерзавка обвиняла моих родственников, Флавия Клемента и обеих Флавий Домицилл, в христианстве и даже упоминала об их попытках обратить в новую веру меня.

— Ничего себе! — покачал головой Крисп. — Выходит, надо радоваться и благодарить богов за то, что эта злополучная записка не попала в руки шпиона. Ты права: твоя рабыня заслужила смерть за предательство, а Регул извлек бы из этой записки гнусную выгоду. Хорошо, что императора нет, а до его возвращения нам нечего бояться. Мы примем меры, чтобы отвратить то зло, которое может произойти. А пока осуши слезы, божественная Аврелия, и давай отправимся к портику Помпея. Твои всадники готовы; когда я шел к тебе, они уже еле сдерживали коней. Едем!

Хлопнув в ладоши, Вибий подал знак свите, ожидавшей господ, раздвинул занавес и, пропустив вперед Аврелию, последовал за ней в атриум.

Через несколько минут девушка вполне овладела собой, и на ее лице, еще не так давно омраченном печалью, заискрилась белозубая улыбка.

Глава 4. Невольничий рынок

Форум и Марсово поле были центром политической жизни римлян. Здесь же находились главные достопримечательности столицы мира: величественные монументы, красивые портики, богатейшие храмы. Многочисленные лавки торговцев доставляли знатым гражданам всевозможные соблазны и удовольствия, служившие для отдыха и развлечений праздных покорителей вселенной.

О роскошной архитектуре Древнего Рима написаны целые тома, и все авторы сходятся в одном — это поистине чудо света. Взять хотя бы портики и открытые галереи, поддерживаемые причудливыми колоннами и предназначенные для любителей прогулок — пешком, в носилках, верхом или в повозке.

Портиков в Риме было немало; обычно они располагались вокруг храмов и общественных сооружений — театров и цирков. Некоторые из них не примыкали ни к одному зданию и образовывали своеобразные ограждения, обсаженные деревьями и цветами, украшенные фонтанами, выпускавшими тугие серебряные струи. Здесь приятно было укрыться днем от палящих лучей солнца, а вечером отдохнуть от дневных трудов. К одному из таких портиков направлялась Аврелия в сопровождении своего опекуна Вибия Криспа и многочисленной свиты.

Голову девушки украшало изысканное кипенно-белое покрывало из дорогих кружев, ниспадавшее на плечи и тело. Шестнадцать рабов окружали носилки с пурпурными шелковыми подушками, на которых возлежала юная госпожа. Темная кожа невольников-эфиопов резко контрастировала с белизной их туник, на их запястьях и лодыжках позвякивали серебряные браслеты. Позади носилок под наблюдением бывшей кормилицы и няни Аврелии, которая так и осталась у нее в услужении, шествовала толпа рабынь, готовых исполнить любую прихоть госпожи. Десять всадников-нумидийцев в красивых красных плащах возглавляли шествие, раздвигая толпу и прокладывая дорогу августейшей повелительнице. Вибий шел рядом с воспитанницей и без умолку болтал, стараясь ее развеять; две служанки обмахивали ее опахалом из ярких перьев страуса.

Долгим был путь от дома Цицерона на Палатине до портика Помпея. Чтобы добраться туда, свите Аврелии понадобился почти час. Прибыв

наконец к указанному месту, госпожа сошла с носилок и в сопровождении Вибия, кормилицы и нескольких компаньенок направилась к зданию театра. Прочая свита в ожидании божественной Аврелии разбрелась по харчевням, которых здесь было множество.

Владельцы таверн и харчевен весьма искусно умели опустошать карманы рабов, лишая их тем самым возможности скопить нужную сумму для выкупа из неволи. В этих заведениях за чарой критского вина рабы в отместку хозяевам за невзгоды подневольного житья охотно раскрывали тайны домашней жизни своих господ.

Едва Аврелия вошла в портик, толпа почтительно расступилась ней и на нее устремились взоры всех присутствующих. В Риме все знали эту высокородную девушку, то, что она — близкая родственница императора, и то высокое назначение, которое ее ожидало.

Торговцы, думая, что она явилась сюда для покупки изысканных восточных материй, низко кланялись ей и старались обратить ее внимание на свои товары.

Аврелия окинула окружающих быстрым взглядом, тщетно разыскивая в толпе своего двоюродного брата Веспасиана.

— Неужели он не пришел? — с досадой спросила она Вибия. — Но почему?

— Ох, я совсем забыл сообщить тебе, августейшая, что его педагог и воспитатель несколько дней тому назад лишился обоих своих сыновей.

— Но мне необходимо видеть Веспасиана! — капризно произнесла Аврелия. — Я хочу непременно поговорить с ним, а, как ты знаешь, дядя и тетя больше не принимают меня у себя.

— Напиши ему, дорогая, — мягко посоветовал Крисп. — Впрочем, не волнуйся: я устрою вам свидание. А пока думай только о развлечениях и выброси из головы все, что тебя огорчает. Разве этот портик и находящееся в нем изысканное общество тебе не нравятся? Тогда прикажи свите отправиться на Аппиеву дорогу.

— Кто вон тот иностранец? — прервала его воспитанница, кивнув на человека, молчаливо бродившего по галереям и не обращавшего внимания на суету толпы.

— Это мудрец Иосиф Флавий, взятый в плен твоим великим прадедом, императором Веспасианом, во время первого похода на евреев. В продолжение сорока семи дней Флавий со своими людьми

выдерживал осаду в крепости Йотапата против твоих божественных предков Веспасиана и Тита. В своем отечестве, в Иудее, он принадлежал к жреческому сословию и к секте фарисеев; он, наверное, лучший ее представитель. Попав в плен, он остался в Риме и предан научным занятиям. Одно из его сочинений император Тит, твой дед, приказал поместить в общественную библиотеку. Флавий — даровитый человек, но, к сожалению, говорят, он страдает неизлечимой болезнью.

— Он из тех евреев, которых называют христианами?

— Нет, дорогая, напротив: он враг христиан; хотя в своих сочинениях он воздает похвалу Христу, но вероучение его отвергает. Он соблюдает закон Моисеев.

— А что это такое?

— Так себе, нелепость. Якобы евреи — избранный народ.

— Ах какие дивные вазы! Неописуемая красота! Я никогда не видела ничего подобного! — простодушно воскликнула девушка, устремляя взор на прилавок, из-под которого моментально показалась фигура продавца в пестрой аляповатой тунике.

— Божественная Аврелия разрешит мне смиренно предложить ей то, что ей больше всего нравится? — подобострастно спросил торговец.

— Кто ты такой? — с некоторым высокомерием поинтересовалась девушка.

— Я прибыл с Востока, — ответил незнакомец, низко кланяясь госпоже, — и привез оттуда эти муриновые вазы, чтобы предложить их императору Домициану. Уверен, он обрадуется, если его любимая племянница выберет...

— Я куплю их, не сомневайся, — с живостью отозвалась Аврелия, протягивая руки к двум одинаковым амфорам, роспись которых, выполненная искусным живописцем, поражала своим великолепием. — Но скажи-ка, — обратилась она к торговцу, — они ведь наверняка очень дорогие? Сколько ты за них хочешь? Дорогой Вибий, оцени, пожалуйста, этот товар.

— Один мой друг, — авторитетно заявил Крисп, — в прошлом месяце купил муриновую чашу за шестьдесят три таланта. Она больше, чем обе эти вазы вместе взятые, но, признаться, не такая красивая.

— Значит, ты сегодня же пошлешь хозяину этой лавки сто сорок талантов, если пожелаешь исполнить прихоть своей воспитанницы. Да, вазы и вправду хороши! — И, повернувшись к продавцу, она спросила: — Как тебя зовут?

— Аполлоний Тианский, божественная госпожа. Философ в некотором роде...

— Как? Ты тот самый Аполлоний, мудрец и чародей, о чудесах которого судачит весь Рим?

— Да, августейшая, — скромно потупился философ, вновь кланяясь в пояс, — и мне не хотелось бы, чтобы племянница императора платила мне деньги за то, что я счастлив подарить ей.

— Нет, погоди, — возразила гордая патрицианка. — Нельзя, чтобы племянница императора оставалась в долгу у Аполлония. Либо я куплю их у тебя, либо не возьму вовсе. С какой стати ты будешь мне их дарить?

— Я смиренно попрошу тебя об одолжении...

— Вот как? И что тебе нужно?

— Пусть император примет меня, когда вернется в Рим.

Требование было неожиданным и довольно смелым. Аврелия помолчала, раздумывая, после чего сухо произнесла:

— Аудиенцию ты получишь, однако мне угодно, чтобы взамен этих двух vaz ты принял от меня две коринфские чаши, которые мои рабы доставят в твой дом.

Аполлоний безмолвно отвесил поклон в третий раз, а когда поднял голову, божественная Аврелия уже покинула лавку. Она приказала главному надсмотрщику собрать рабов и приготовиться к возвращению домой. Несколько невольников крепкого телосложения несли покупки и подарки госпожи, в том числе две вазы. Под перистилем портика Помпея августейшую особу ожидали наездники и рабы с носилками.

— Не свернуть ли нам по пути к Народному дому? — сказала Аврелия Вибию, удобно располагаясь на шелковых подушках. — Возле него, насколько я знаю, большой рынок, и мне интересно, не продают ли там такие же вазы, как эти.

Желания своей божественной воспитанницы Вибий Крисп привык считать равносильными приказаниям, поэтому мгновенно велел свите следовать к Villa Publica.

Как только процессия приблизилась к цирку Фламиния, Аврелия увидела на высоком помосте перед одной из лавок полуобнаженных мужчин, женщин, юношей, девушек и даже детей с табличками на шее. Здесь торговали невольниками.

Перед помостом с длинным бичом в руке прохаживался работорговец Парменон. С невозмутимой непринужденностью он расхваливал покупателям свой «живой» товар. Время от времени он хлестал по плечам и спинам дрожавших от страха обнаженных людей, которые издавали глухие стоны.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ